

Москва. Малая Молчановка. Так теперь выглядит московский Дом Лермонтова.

Юрий Осипов,
журналист

В старых переулках...

Осенью 1827 года в Москву через Покровскую заставу (ныне Абельмановскую) медленно втягивался пропыленный обоз: впереди — большая старомодная карета, тяжело проворачивавшая разошедшимися колесами по горбатуму булыжнику мостовой, следом — несколько телег с дворней и домашним скарбом.

За чуть прищторенным стеклом высокой лаковой створки кареты мелькала изредка морщинистая щека, перехваченная атласной лентой чепца, да шарил по сторонам пытливый мальчишеский глаз.

Обоз долго тащился по захоластным московским улицам, сродни пензенским или чембарским, и только уже на набережной Москвы-реки путешественники попали в пестрый водоворот гудящей городской толпы и грохочущих взад-вперед экипажей. Порывистый ветер хлопал разноцветными флагами снующих под мостом баркасов, и на косо забиравшем вверх противоположном берегу реки величаво плыли в небесной лазури золотые купола кремлевских церквей.

Миновали Кузнецкий мост, ошелом-

лявший приезжего богатством своих лавок и нарядов прохожих. На Сретенке движение сделалось менее оживленным. Нарядный поток рюшей и цилиндров по-редел, изящные коляски и фаэтоны уступили место непритязательным извозчичьим дрожкам.

Обоз завернул в Сергиевский переулок и остановился у дома титулярного советника Тоона, где жило семейство дяди Арсеньевой Петра Афанасьевича Мещеринова. Здесь юному Лермонтову предстояло провести первую свою московскую зиму.

Кончалась короткая пора детства в Тарханах. Начиналось отрочество, начинался поэт.

Пять ранних лет жизни Лермонтова прошли в Москве. Пять — из двадцати семи, отпущенных ему судьбой. То были годы познания, поисков, свершений, сердечных мук и восторгов любви, чистых, верных дружб. «Москва моя родина и всегда ею останется, — пишет он уже из Петербурга Марии Александровне Лопухиной. — Там я родился, там много страдал и там же был слишком счастлив!»¹ Слова «родился», «страдал» и «слишком счастлив» подчеркнуты самим Лермонтовым.

Через Москву пролег путь поэта в первую ссылку на Кавказ за стихотворение на смерть Пушкина, в марте — апреле 1837 года. В январе 38-го года, возвращаясь из Тифлиса в Петербург, Лермонтов вновь ненадолго задержался погостить в Москве. Здесь, в родной первопрестольной, одинокий изгнанник отогревался душой и по дороге во вторую свою ссылку, на Кавказ в мае 1840 года («Быть может, за хребтом Кавказа сокроюсь от твоих пашей...»). Виделся с немногими друзьями, читал наизусть на именинном обеде Гоголя в саду Погодина на Девичьем поле отрывок из поэмы «Мцыри» в присутствии С. Т. Аксакова, А. И. Тургенева, П. А. Вяземского, М. А. Дмитриева, Загоскина... Бывал в кружке московских славянофилов, где, по словам Ю. Ф. Самарина, ему особенно понравился философ А. С. Хомяков. Последний вечер Лермонтов провел у Н. Ф. и К. К. Павловых. Самарин вспоминает, что он «уехал грустный». «Ночь была сырая. Мы простились на крыльце»².

И еще пять светлых дней отсрочки перед роковым концом выпало на долю поэта в Москве, когда в апреле 1841 года унылые перекладные влекли его из выхлопотанного ему бабушкой отпуска в Петербурге обратно в Действующую армию. «...Я в Москве пробуду несколько

дней, остановился у (Дмитрия Григорьевича) Розена... — сообщает он в письме к Е. А. Арсеньевой. — Я здесь принят был обществом по обыкновению очень хорошо — и мне довольно весело; был вчера у Николая Николаевича Анненкова и завтра у него обедаю; он был со мною очень любезен»³.

За полчаса до отъезда Лермонтов пришел проститься к Самарину и принес ему для «Московитянина» стихотворение «Спор». «Он говорил мне о своей будущности, о своих литературных проектах»⁴, — писал позднее об этой встрече Самарин в письме к Гагарину.

...У полосатого столба городской заставы, пока сонный солдат проверял по дорожную и отпускал веревку шлагбаума, молодой поручик Тенгинского пехотного полка успел еще раз окинуть взглядом остающиеся позади волнистые холмы Белокаменной, а затем ямщицкий возок, переваливаясь на ухабах, унес его навстречу смерти.

Московскому периоду жизни Лермонтова посвящены книги и исследования. Вдоль и поперек изучены лермонтовская Москва и тогдашнее окружение юного поэта, все новыми материалами пополняется наше представление о них.

Одни только гениально-провидческие строки «Бородина», первый вариант которого тоже, кстати, создавался здесь: «Ребята, не Москва ль за нами? Умрете ж под Москвой, как наши деды умирали!» — одни только эти слова, ставшие общенациональным символом и кличем, звучавшие в сердцах защитников столицы в ноябре сорок первого и раскатившиеся по стране суровым призывом панфиловского комиссара Клочкова у разезда Дубосеково: «Велика Россия, а отступать некуда — позади Москва!» — навечно соединили два понятия: Лермонтов и Москва. А открывшийся недавно в Москве музей Лермонтова как бы навсегда увековечил эти понятия. Причем открылся он именно там, где ему и положено быть, — в доме № 2 по Малой Молчановке, в котором юный поэт готовился к экзаменам в Благородном пансионе и потом в университете, написал более ста лирических стихотворений, романтические поэмы «Измаил-бей» и «Аул Бастунджи», философскую драму «Странный человек», первый вариант «Демона»...

Завершились многолетние нелегкие хлопоты по передаче дома Государственному литературному музею, и одноэтажный деревянный особнячок с мезонином в три оконца, уникальный памятник архитектурной застройки послепожарной Москвы (образец московского деревянного ампира), обветшавшим поступил два года

¹ Лермонтов М. Ю. Полн. собр. соч., т. V. М. — Л., Академия, 1935—1937, с. 372.

² Самарин Ю. Ф. Сочинения, т. XII, М., 1911, с. 56.

³ Лермонтов М. Ю., т. VI, с. 458.

⁴ Самарин Ю. Ф., т. XII, с. 67.

назад в руки архитекторов и художников-реставраторов, чтобы стать Домом Лермонтова.

42 года ждал этого момента Иракий Андроников. Ведь еще незадолго до войны автор известной книги «Из истории московских улиц» Сытин обнаружил в областном архиве документы, неопровержимо свидетельствующие, что Арсеньева с внуком жили именно в этом доме. Только усадьба состояла тогда из двух строений: одно — фасадом на Поварскую, другое — на Малую Молчановку. В последнем они и обосновались.

Неутомимый лермонтовед с присущим ему энтузиазмом проложил охранительную тропинку к застроенному, перестроенному, полузабытому особнячку и добился того, чтобы нависшую было над ним красную линию генерального плана реконструкции столицы удалось чуть-чуть отодвинуть... А об экспозиции будущего мемориала он начал помышлять в 1941 году, когда готовил первую лермонтовскую выставку (открытию ее помешала война), и все последующие десятилетия возвращался к своей сокровенной мечте с каждой новой находкой — в Моск-

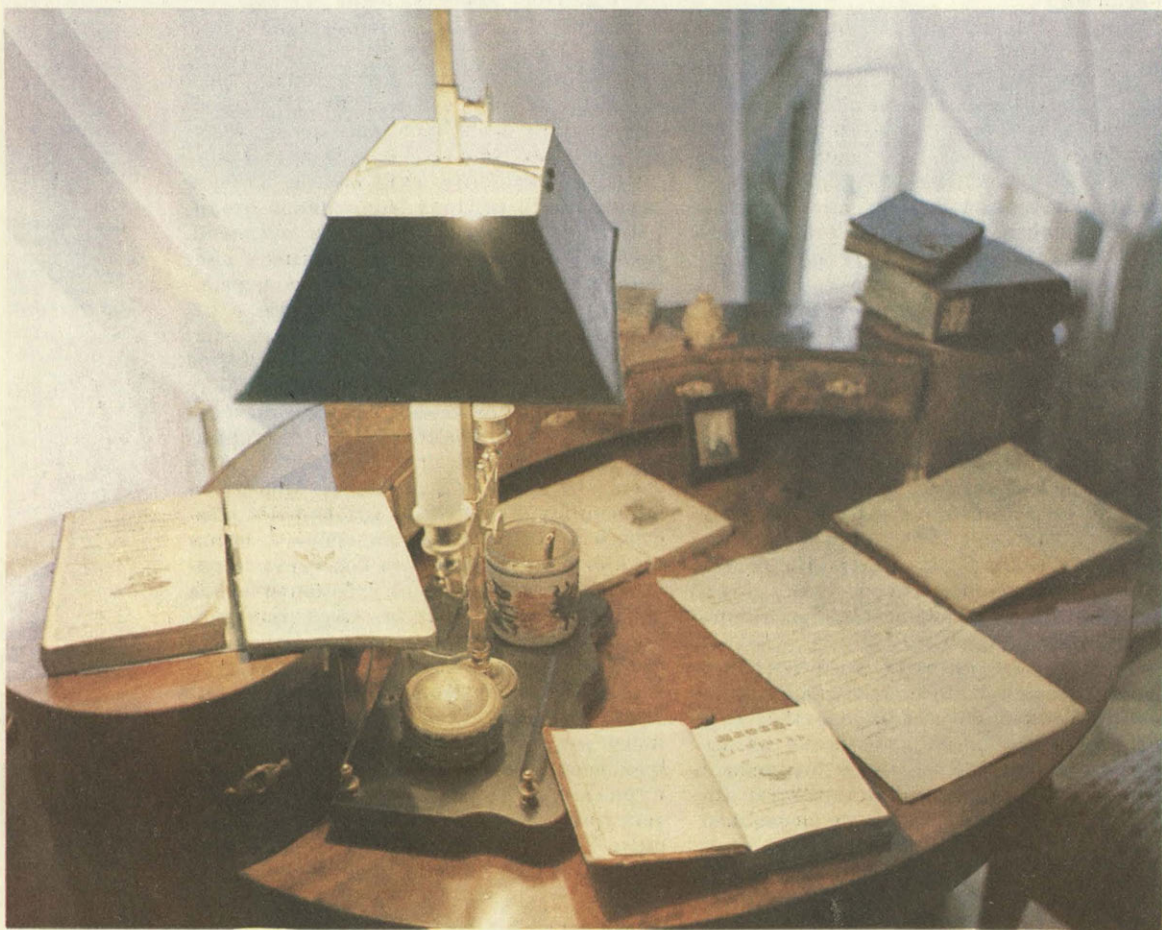
ве, в Ленинграде, на Кавказе, в замке Хохберг в ФРГ, откуда им был привезен знаменитый лермонтовский автопортрет, встречающий теперь посетителей при входе в музей...

Записи в метрической книге церкви трех Святителей у Красных ворот за 1814 год вторит свидетельство, выданное Арсеньевой из Московской духовной консистории о том, что в ночь со 2 на 3 октября в Москве, в доме генерал-майора Ф. Н. Толя, напротив Красных ворот, в семье капитана Юрия Петровича Лермонтова и Марии Михайловны, урожденной Арсеньевой, появился на свет сын Михаил, крещенный «того же октября 11 дня».

Не уцелел дом генерал-майора Толя у Красных ворот, и лишь название шумной площади на Садовом кольце и станции метро да бронзовая фигура в разлетающемся армейском сюртуке при входе в скверик напоминают: здесь родился Лермонтов.

Время давно смело и маленький домик капитанской дочери Лаухиной, который Арсеньева сняла следующей весной на Поварской рядом со Столыпинными по-

Бабушкин
стол.

приезде с тринадцатилетним внуком в Москву (на месте его сейчас находится дом номер 24 по улице Воровского). Не сохранился и соседний, более просторный дом майорской жены Костомаровой, куда Елизавета Алексеевна переехала вскоре после того, как к ней из деревни приехали муж и сын ее любимой племянницы М. А. Шан-Гирей.

И остался драгоценный особнячок на Малой Молчановке единственным из московских домов, где жил Лермонтов.

В ту пору дом этот принадлежал купцу Чернову и за полтора века сменил немало владельцев (известно, что построен он был в 1816 или 1817 году). В последующие десятилетия неоднократно перестраивался (сохранились даже документы этих перестроек), надстраивался, претерпел существенные изменения. Так что вернуть ему первоначальный облик оказалось очень непросто.

И еще. Особняк с мезонином на Малой Молчановке один только и остался от тихой московской улицы первой трети XIX века, по которой звучали быстрые шаги юного Лермонтова.

Центр дворянской, фамусовской Мо-

сковы — Остоженка, Пречистенка, Арбат, Молчановка, Поварская, Никитская, — укрывшийся в стороне от кипучей торговой части города, отличался удивительным своеобразием. Поросшие травой улицы дремали в тени густых садов, куда выходили фасадами городские усадьбы несметной родни и близких знакомых Арсеньевой, в которых постоянно бывал ее ненаглядный Мишель.

В этих особняках ходили по рукам мадригалы и эпиграммы юного Лермонтова, адресованные всем его знакомым. Тут он впервые увидел Вареньку (Лопухину) и обрел веселый кружок сверстников, неразлучную пятерку друзей, — Н. Поливанова, А. Лопухина, А. Закревского, Н. и В. Шеншиных. Вместе с ними он самозабвенно придумывал маскарадные костюмы и на святки и масленицу выбегал в сени встречать ряженых. А Мария Лопухина, старшая сестра Вареньки, с кем долго потом переписывался поэт, А. Верещагина, не раз помогавшая ему добрым советом и сумевшая сберечь на чужбине его рукописи и рисунки, Е. Сушкова... Они тоже жили здесь.

Вот почему создание Дома-музея Лер-

Музыкальная гостиная. Здесь звучали голос и скрипка Лермонтова.

монтова на Малой Молчановке есть одно- временно попытка воссоздать один из интереснейших уголков старой Москвы, прочно вошедший в историю отечественной культуры.

Легко сказать: восстановить особняк в первоначальном виде. А каким он был тогда? Полностью ли обшит доской? Выступали на торцах бревна? Как выглядели крыльцо и дворик?.. И бились над детализировкой проекта реставрации специалисты, зондировали фундамент и перекрытия, закладывали в стены шурфы на исследование древесины... Месяцы, годы кропотливого подготовительного труда, о котором знают только они — директор Литературного музея Н. Шахалова, заведующая его новым филиалом Э. Гротская со своими коллегами, архитекторы В. Егоров и А. Михайловский, мастера-реставраторы В. Весельков, А. Казаков, Н. Ан. Шаг за шагом возрождался первоизданный облик особняка. Высокой, как встарь, стала крыша мезонина, упростился рисунок наличников. Правую, позднюю пристройку с подъездом разобрали, а левую «утопили» от

плоскости фасада вглубь, и теперь она не нарушает общего контура здания. Красивая ажурная ограда опоясала двор, в котором весной распустилась зелень, зацвели цветочные клумбы.

Не меньшие сложности были связаны с восстановлением интерьера и убранства комнат. О них, увы, дошли весьма скудные, отрывочные сведения. А уж личных вещей, как известно, почти совсем не осталось. И все же тщательная научная разработка типологии обстановки и сбор буквально по крупицам подлинных предметов эпохи, способных рассказать о московском периоде жизни Лермонтова, передать его атмосферу и бытовую уклад, принесли свои плоды. Произошло обычное музейное чудо: дом ожил, наполнился отзвуками и тенями минувшего; мы ощутили, увидели предметную и духовную среду юного поэта.

Атмосфера дома, атмосфера жизни... Ее в первую очередь определяли книги. Книги и распахнувшийся в Москве не по годам развитому подростку волшебный мир театра, живописи, музыки. Семья Мещериновых, у которых они с бабушкой прозимовали, была одной из наиболее

Одна из рукописей юного Мишеля.

культурных дворянских семей того времени. В доме имела прекрасная библиотека, висели картины первоклассных художников, исполнялись на фортепиано произведения крупнейших композиторов. За обеденным столом и в гостиной мальчик слышит жаркие споры о политике, искусстве, литературе. Одну за другой снимает он с полки трепетными руками поэмы Пушкина.

Народной столицей, средоточием просвещения, с ее прославленным университетом, где некогда учились многие декабристы, театром, со сцены которого раздавались страстные призывы к гуманности, и журналами, знакомившими читателей, несмотря на препоны цензуры, с прогрессивными течениями научной и философской мысли Запада, — такую предстала Москва юному Лермонтову.

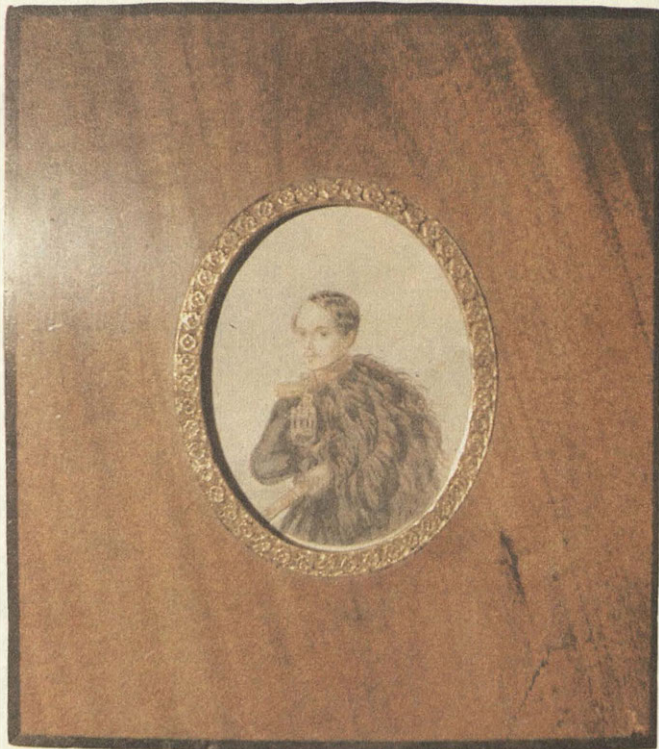
С переездом на Поварскую, а затем на Молчановку круг юношеских знакомств и интересов Лермонтова расширился. Дом отца Арсеньевой Алексея Емельяновича Столыпина в Знаменском переулке близ Арбатских ворот считался одним из самых примечательных в тогдашней Москве: балы, маскарады, театральные представления сменяли там друг друга. Крепостной театр Столыпина пользовался заслуженной известностью; его актеры положили впоследствии основание труппе Малого театра.

В квартире Столыпиных на Поварской всегда толпилась молодежь, привлеченная уроками танцев знаменитого тогда в Москве Иогеля. На детских балах у Столыпиных появлялся и застенчивый, несколько экзальтированный подросток со смуглым, тонким лицом и бархатными глазами, который сыпал колкими остроумиями, великолепно танцевал и стремительным мелким почерком исписывал стихами первый подвернувшийся клочок бумаги...

Художник М. Е. Меликов, который знал юного поэта по Москве, пишет в своих воспоминаниях: «Помню, что когда впервые встретился я с Мишей Лермонтовым, его занимала лепка из красного воска: он вылепил, например, охотника с собакой и сцены сражений. Кроме того маленький Лермонтов составил театр из марионеток, в котором принимал участие и я с Мещериновым; пьесы для этих представлений сочинял сам Лермонтов»⁵.

Мальчиком Лермонтов не раз поднимался по истертым ступеням на колокольню Ивана Великого и любовался оттуда необозримой панорамой древней столицы. «Здесь каждый камень хранит память, начертанную временем и роком», — записывает он в своей тетради слова о Москве, ставшие бессмертными.

Осенью 1828 года Лермонтов поступает в четвертый класс Московского благородного пансиона, «достопочтенного пансиона», как назвал его Мишель в одном из писем. Внушительный корпус казового училища занимал угол Тверской и Газетного переулков (дом не сохранился, на том месте теперь расположено здание Центрального телеграфа на улице Горького).

Хохберская находка.
Автопортрет
М. Ю.
Лермонтова.

Любознательный юноша читает запоем, вдохновляется книгами, как жизнью, и следы прочитанного остаются на страницах его первых московских произведений. Ему прочно врезается в сердце строка «Белеет парус одинокий...» из поэмы Бестужева-Марлинского «Андрей Перемыславский», которую он прочитал в год поступления в пансион. Через несколько лет, в Петербурге, Лермонтов начнет этой строкой непревзойденный лирический шедевр, проникнутый оригинальной художественной мыслью.

Неожиданное появление в большом актовом зале пансиона неузнанного сперва царя, его холодная ярость при виде на

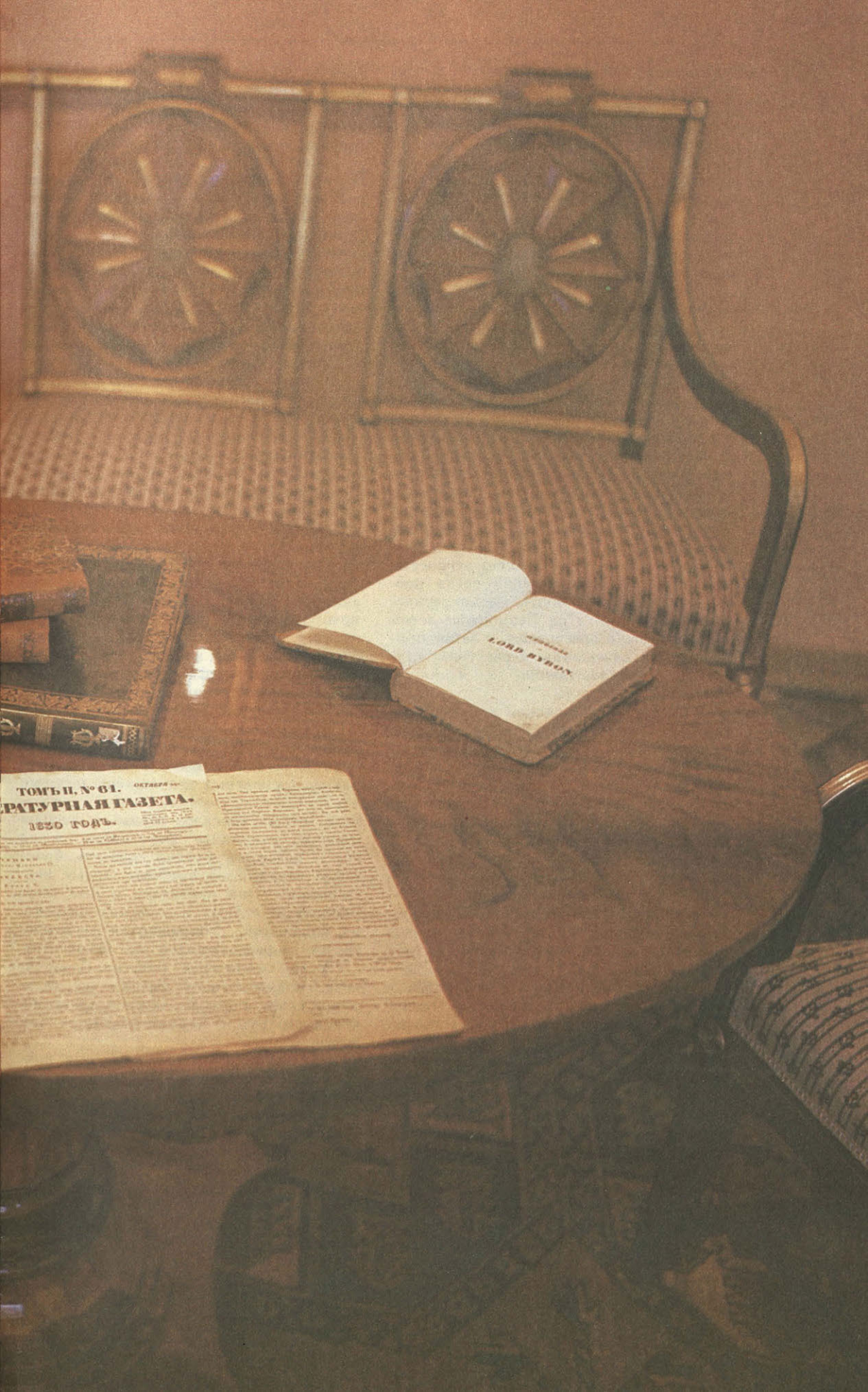
Эти книги могут
читать
Лермонтов...

⁵ РС, 1896, т. 86, кн. 6, с. 645—649.

БРАТЯ
КОЛОВО

БРАТЯ
РАЗВОЙНИКИ

LORD BYRON

ТОМЪ II, № 61. СЕПТЕМБЕРНАЯ ГАЗЕТА. 1830 ГОДА.

Содержание

Всего в 1830 году вышло 12 номеров.

В 1830 году вышло 12 номеров.

В 1830 году вышло 12 номеров.

мраморной доске в числе имен лучших выпускников фамилия декабриста Николая Тургенева и последовавший за этим высочайший указ от 29 марта 1830 года о реорганизации Благородного пансиона в обычную гимназию с введением розог для наказания воспитанников потрясли впечатлительную натуру юного поэта. Впервые столкнувшись с Николаем, он, возможно, прочитал в его «зимних» (по выражению Герцена) глазах собственную судьбу.

После указа о реорганизации многие родители забрали своих детей из пансиона. Покинул его и Лермонтов прямо накануне выпуска, решив держать экзамены в Московский университет.

Год ухода Михаила Юрьевича из пансиона отмечен важными событиями. Летом 1830-го русские газеты были полны сообщений о борьбе за независимость в колониальных странах Востока и на юге Европы. В конце июля произошла революция во Франции. Вслед за тем революционная волна прокатилась по всей Европе. Зашатались престолы, вооруженный народ вышел на улицы.

Несмотря на жесточайшие репрессии властей, в университетской среде процветали вольнолюбивые, демократические настроения. При Лермонтове летом 1831 года были арестованы, а затем приговорены к повешению и расстрелу студенты, принадлежавшие к «тайному обществу» Сунгурова.

В те годы в Московском университете учились Белинский, Герцен, Огарев. У его питомцев существовал культ дружбы, имевший глубокие общественные корни и находивший выражение в студенческих кружках. Это было желание теснее сплотиться в удушливой атмосфере николаевской России.

Кружки складывались вокруг того или иного студента, обладавшего личным обаянием и пользовавшегося авторитетом у товарищей. Понятно, что столь даровитые юноши, как Герцен, Огарев, Белинский, Лермонтов, притягивали к себе сверстников.

Лермонтовский кружок собирался в мезонине на Малой Молчановке. Членами его были упоминавшиеся уже Николай Поливанов и Алексей Лопухин, жившие по соседству, а также Андрей Закревский, который дружил с Белинским, Герценом и Огаревым, состоял в близких отношениях с сунгуровцем Костенецким и распространял среди своих многочисленных знакомых лермонтовские стихи.

Бывало, друзья засиживались в мезонине до рассвета, и, пока внизу взрослые лениво судачили, сдавая карточную колоду, наверху молодежь яростно спорила о Шиллере и Шекспире, мечтала о подвигах. Это было типично не только для

дома на Малой Молчановке. В то время как в гостиных дворянских особняках текла неторопливая, рутинная беседа, в мезонинах и антресолях над ними шла совсем иная жизнь...

...Дар видеть, чувствовать прошлое. Я имел возможность оценить его, когда полтора года назад дощатая, подгнившая калитка строительного забора со скрипом пропустила меня внутрь заваленного арматурой двора. Следом за сотрудниками музея я прошел усыпанным известкой коридором в нижние комнаты. Полы в них были вскрыты, из стен торчала пакля, над дверными проемами различались кое-где сохранившиеся остатки лепного карниза.

В малой гостиной под многими слоями удалось расчистить кусочки прежних обоев, и они подсказали специалистам цветное решение всей анфилады комнат лермонтовского дома.

Комната Мишеля тогда встретила нас гулкой пустотой. На голой поверхности пола и стен выделялась лишь резная чугунная заслонка узкой кафельной печи в углу. При всем желании трудно было представить себе эти лермонтовские пенаты «в готовом виде», и тонкая паутина линий на калке мало чем могла мне помочь. Архитекторы же, водившие меня по дому, не только отчетливо воображали будущую картину, но неизменно держали в уме сотни деталей воссоздающихся спален, столовой, гостиных в их естественном соотношении друг с другом...

Придите сюда сегодня, и вам не избавиться от ощущения, что все здесь так и было изначально: фамильные портреты работы крепостных художников, которые Арсеньева всюду возила с собой, павловская мебель красного дерева с голубой обивкой, старинное фортепиано, а на нем — потертый футляр скрипки, бронзовые чернильные приборы, литые подсвечники... Они переехали в Дом Лермонтова из старых московских квартир, из коллекций, собиравшихся десятилетиями, передававшихся по наследству.

А вот ломберный стол из Середникова, подмосковного имения родственников поэта, очевидно, помнит прикосновение его рук, — Лермонтов гостил там летом.

Вся квартира состояла из семи комнат: пять внизу и две в мезонине (антресоли пристроили позже). Из окон, выходящих во двор, были видны низенький заборчик, а в глубине двора — флигель и конюшни, тогда еще деревянные.

По крутой узенькой лесенке с тонкими перильцами проворный юноша одним махом взлетал к себе в мезонин. Тут был его «приют спокойствия, трудов и вдохновения», куда посторонние не допускались.

Первое, что бросалось в глаза с порога лермонтовской кельи, — книги. Юный поэт гордился своей библиотекой и собирал ее со дня приезда в Москву. На полках большого книжного шкафа выстроились тисненные золотом корешки полных собраний сочинений Ломоносова и Державина, Фонвизина и Крылова, а на самом видном месте — любовно расставленные томики Пушкина. Словом, тут была вся русская литература от Кантемира до Жуковского. Рядом синели обложки сатирических журналов Новикова, номера «Московского вестника» соседствовали с мятежными «Думами» Рылеева и альманахом «Полярная звезда», теснилась зарубежная классика — сочинения Шеллинга, Сен-Симона, Фурье, все новое, выходящее на русском и иностранном языках.

За книжным шкафом — крупномасштабная географическая карта, а над диваном — портрет Байрона («У нас одна душа, одни и те же муки»). На диван небрежно брошен еще не разрезанный номер «Галатеи» с «Вопросами» (из Гейне) в переводе молодого Тютчева. Наброски, рисунки, акварели. На рисоваль-

ном столике — как будто только что законченный портрет отца, чье имя в доме бабушки находилось под запретом.

Ужасная судьба отца и сына
Жить розно и в разлуке умереть.

И портрет, и эти печальные строки написаны в этой комнате.

Сюда, в мезонин, Лермонтов с волнением принес журнал «Атеней», напечатанный в сентябре 1830 года его стихотворение «Весна» — первое из опубликованных, под которым вместо подписи еще стояла латинская буква «L». В этой же комнате в июле 32-го поэт укладывал в дорожный саквояж дорогие сердцу вещи и тетрадь с рукописью «Вадима», готовясь к отъезду в Петербург, где ему было «все так холодно, так мертво»...

Многое из неповторимого и столь щемяще краткого мира Лермонтова вместили семь скромных комнат особняка на Малой Молчановке, навсегда отныне став частью Москвы, частью нашего духовного наследия.

Москва, Москва!.. Люблю
тебя как сын.

Как русский, сильно,
пламенно и нежно!

Люблю священный блеск
твоих седин

И этот Кремль зубчатый,
безмятежный...

М. Ю. Лермонтов